

3. Aidamirov A. Burja. Groznyj, 2004.
4. Agenosov V. V. Sovetskij filosofskij roman. Moscow, Prometej, 1989.
5. Chernec L. V. Vvedenie v literaturovedenie. Moscow, 1997.

АНГЛИЙСКОСТЬ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ ГРЭМА СВИФТА «УРОКИ ПЛАВАНИЯ»

Сатиюкова Елена Геннадиевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: elena.satiukova@yandex.ru.

Статья посвящена репрезентации английскости в мультикультурном контексте сборника рассказов "Learning to swim" («Уроки плавания») современного британского писателя Грэма Свифта. Феномен английскости рассмотрен в свете оппозиции «свой – чужой», обращается внимание также на преодоление и декодирование викторианских культурных стереотипов в творчестве писателя.

Ключевые слова: английскость, мультикультурализм, стереотип, оппозиция «свой – чужой»

ENGLISHNESS IN MULTICULTURAL CONTEXT OF THE GRAHAM SWIFT'S STORYBOOK "LEARNING TO SWIM"

Satiukova Elena G., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatichshev st., e-mail: elena.satiukova@yandex.ru.

The article deals with a representation of Englishness in multicultural context of the modern British writer Graham Swift's storybook "Learning to swim". A phenomenon of Englishness is reviewed in light of opposition "own – alien". Also an overcoming and decoding of Victorian cultural stereotype in the works of the writer are pointed out.

Keywords: Englishness, multiculturalism, stereotype, opposition "own – alien"

Современный британский писатель Грэм Свифт признан одним из наиболее ярких прозаиков своего поколения. В своём творчестве ему удалось отразить разные аспекты феномена английскости, понимаемого как комплекс представлений и концептов, определяющих английскую национальную специфику видения мира. Английскость охватывает представления об истории и географии, моде, быте, национальном характере и системе ценностей англичан. В сборнике рассказов Грэма Свифта «Уроки плавания» феномен английскости рассматривается в контексте мультикультурной проблематики.

Необходимость и актуальность данного подхода к изучению английскости отметил С.П. Толкачёв, справедливо указавший на то, что «анализ современной английской литературы через призму мультикультурного контекста предоставляет возможность достаточно нового, более диалектического взгляда на феномены, связанные главным образом с гетерогенной репрезентацией культурной идентичности» [4, с. 178].

Следует учесть, что в современном мире тенденция глобализации сосуществует с тенденциями поиска и сохранения национально-культурной идентичности. Как утверждает Е.Г. Петросова, «в восьмидесятые-девяностые годы на смену "модернистским" концепциям нации пришли "постмодернистские", которые рассматривают проблему нации в свете "постнационального" мира и глобальной культуры» [2, с. 135]. В то же время опасения по поводу

нивелирования национальных и культурных различий вызывают рост антиглобализационных настроений в обществе европейских стран, что не может не находить отражения в литературе.

В сборнике рассказов «Уроки плавания» затронут целый ряд проблем, связанных с мультикультурализмом, – освоение европейского культурного пространства выходцами из других стран мира, восприятие англичанами ценностей и традиций других культур, взаимопонимание представителей разных народов, изменение европейской культурной парадигмы, толерантность и т.д.

В рассказе “Seraglio” («Сераль») показаны два полярных отношения англичан к другим культурам – враждебность, неприятие, страх и готовность к кооперации, терпимость, заинтересованность, толерантность. В этом рассказе мультикультурная проблематика сочетается с гендерным подходом.

Герои рассказа «Сераль» – молодая семейная пара из Англии, в поисках новых впечатлений и экзотики посещающая Турцию, город Стамбул: “...so we looked for somewhere more exotic. We thought of the East” [5, с. 3] («...мы искали что-то более экзотическое. Мы подумали о Востоке»). Несмотря на стремление к экзотике, персонажи рассказа выбирают целью своего путешествия Стамбул, который географически расположен в Европе. Очевидно, они надеются, что в этом случае культурный шок будет не слишком сильным.

«Английскость» рассказа «Сераль» заключается в отражении английского имперского менталитета, который подвергается критическому переосмыслению. Главные герои рассказа ощущают себя носителями прогресса, культуры, исторической динамики. Яркий экзотический фон (восточный базар, тюрбаны, подушки, фонтаны, девушки с шербетом), вызывающий восхищение туристов, меркнет в сравнении с антисанитарией (*dead rats* [5, с. 1] – *мёртвые крысы*, *bloated dogs* [5, с. 1] – *раздувшиеся трупы собак*) и тем фактом, что туристы сталкиваются с лицемерием и жестокостью местных жителей (таксиста, полицейского, носильщика и др.).

Историческое прошлое Стамбула поражает английских туристов своей жестокостью. Они называют этот город “city of monuments and murder in which cruelty seems ignored” [5, с. 2] (городом памятников и убийств, в котором жестокость, кажется, игнорируется), “city of siege and massacre and magnificence” [5, с. 2] (городом осады, резни и величия). Использование зевгмы придаёт ироничный характер этим определениям.

Вынесенное в заглавие рассказа слово «сераль», иначе «гарем», указывает на ещё один стереотип восприятия Востока европейцами. В данном случае можно говорить о важности гендерного аспекта этого явления. Повествователь-англичанин вместе с другими туристами любитесь бирюзовой черепицей гарема и думает «о девушках с шербетом, тюрбанах, подушках, фонтанах (*girls with sherbet, turbans, cushions, fountains*) [5, с. 1]». Эти приятные размышления прерываются вопросом жены: «So were they just kept here?» [5, с. 1] («Так их держали здесь?») Употребление глагола в страдательном залоге акцентирует бесправное, униженное положение женщин, которых держали в гареме. В вопросе звучит неодобрение, вполне соответствующее отчуждению и настороженности, в целом характерным для восприятия Стамбула героиней рассказа. В ответ муж читает фразу из путеводителя: “Though the Sultans kept theoretical power over the Harem, by the end of the sixteenth century these women effectively dominated the Sultans” [5, с. 1] («хотя султаны теоретически имели власть над гаремом, к концу шестнадцатого века эти женщины с успехом доминировали над султанами»). Хотя в путеводителе реальность явно была приукрашена, показательно стремление героя успокоить жену, противопоставить её страху и неприятию восточных обычаев оптимистическое суждение.

На протяжении всего рассказа устойчиво повторяется мотив кинжала (*dagger*), связанный с целым комплексом ассоциаций, – это и опасность, и восточное коварство, и угроза, и насилие. В музее герои видят запятанный

кровью кафтан, в котором был убит кинжалом султан Оман II; минареты напоминают тонкие лезвия, менеджер в отеле поднимает руки с открытыми ладонями, словно желая показать, что у него нет кинжала, даже сами супруги-англичане, лёжа в кровати, словно прячут кинжалы друг от друга, выжидая момент для нанесения удара. Супруги сравниваются с двумя континентами со своими обычаями и историей. Между этими континентами нет моста, поэтому даже нанести удар кинжалом невозможно, ведь для этого нужно сначала преодолеть расстояние между континентами. В конце рассказа, перед возвращением в Лондон, герой с сожалением думает о том, что если бы у него был настоящий кинжал, он бы наверняка воспользовался им. Это тоже для него часть экзотического Востока, неотъемлемая и привлекательная его часть. Лейтмотив кинжала выступает концептуально значимой единицей, дающей ключ к психологической интерпретации рассказа.

Два различных отношения к Востоку демонстрируют герои рассказа. Для мужа это связано с приятными искушениями, мечтами. Находясь рядом с женой, он предаётся мечтам о чувственном Востоке. Для жены Восток – источник опасности, постоянного напряжения. Кульминацией рассказа является эпизод явного или мнимого нападения, которому подвергается героиня в отеле. Что произошло на самом деле, так и остаётся загадкой. Известно только, что юноша-турок, портье, прикоснулся к героине: "Then he came up to me – and touched me" [5, с. 6] («Затем он подошёл ко мне – и прикоснулся ко мне»). Возникает намёк на викторианские предрассудки, глубоко укоренённые в психологии англичан. Муж не сомневается в том, что жена преувеличивает, на самом деле, по его мнению, ничего особенного не произошло. Но для неё это серьёзная рана, словно нанесённая кинжалом, о котором так часто вспоминают в этом маленьком рассказе: "She is holding her stomach like someone who has been wounded" [5, с. 8] («Она держится за живот как человек, которого ранили»).

Граница между Европой и Азией, Западом и Востоком для героини рассказа оказалась непреодолимой. Это подчёркнуто метафорой: "A curtain of rain veils Asia from Europe" [5, с. 8] («Занавес дождя укрывает Азию от Европы»). Предубеждения, страхи, недоверие создают образ враждебного и абсолютно чуждого европейцу мира. Мираж арабских ночей при ближайшем рассмотрении превращается в лабиринт, символ чего-то запутанного, сложного, не имеющего выхода.

В рассказе прослеживается столкновение двух менталитетов – английского имперского менталитета, проявившегося в героине, и менталитета англичанина, открытого другому миру, с интересом его воспринимающего. Он соответствует новому идеалу личности, сформированному в мультикультурном обществе: «Такая личность обладает бесконечно развитой способностью становиться на точку зрения другого, признавать самоценность другого, отказываться от собственной идентичности ради торжества толерантности» [3, с. 196].

Важно отметить, что английский менталитет складывался как менталитет господствующей нации. Как справедливо отмечает Е.В. Зброжек, англичане «собственную культуру и образ жизни воспринимали как "цивилизованность", а потому любое отклонение от собственного образа жизни означало для них сдвиг к варварству» [1, с. 40]. Такое антагонистическое восприятие «чужого» ведёт в тупик и воспринимается автором как проявление глубоко укоренённых душевных комплексов.

Смерть больного как толчок к пересмотру всей жизни его лечащего врача – главная тема рассказа «Ипохондрик». Одним из центральных персонажей рассказа является молодой человек М., который жаловался на головную боль, а также на боль в спине и груди. Так как жалобы не отличались определённой конкретностью, врач счёл больного мнительным ипохондриком, не воспринял его жалобы всерьёз. Кроме того, врача раздражает упорство и навязчивость, с которым юноша приходит к нему на приём. Когда однажды врачу позвонила

молодая женщина по просьбе пациента М., которому было очень плохо, доктор пришёл только спустя пять часов, когда было уже слишком поздно.

Только в конце рассказа становятся понятны причины скептического отношения врача к жалобам пациента – это и трудности коммуникации, вызванные плохим знанием английского языка юношей-эмигрантом, и подсознательная неприязнь врача к людям с неанглийскими корнями.

В рассказе с большой симпатией описаны соседи больного пациента, жители бедного эмигрантского квартала: "...a girl with the frizzed hair and glasses..., a tall, laconic West Indian, a middle-aged man in a blue cardigan" [5, с. 72] («девушка с завитыми волосами, в очках, ...высокий, немногословный уроженец Вест-Индии, мужчина средних лет в голубом кардигане»).

Эти люди живут в большом уродливом Викторианском доме ("large, ugly Victorian house" [5, с. 72]). Оценочный эпитет передаёт пренебрежительное отношение доктора-англичанина к жителям бедного квартала. Однако они выглядят нравственно выше, чем врач – англичанин, носитель ценностей английской цивилизации. Именно они вызывают на дом врача, осуждают его равнодушные и халатность, недостаточную компетентность и жестокость по отношению к больному.

«Английскость» в контексте полиэтнического пространства данного рассказа представлена как нечто «чужое», враждебное человеку из другой страны. Оппозиция «своё – «чужое» предстаёт в рассказе как противостояние антигуманного гуманному, преодолевая национальное, растворяя «английское» в общечеловеческом.

В рассказе «Часы» фантастический сюжет о бессмертии, связанном с обладанием магическим предметом, восходит к традициям романтической новеллы. Реализация важнейшего для любой культуры концепта «время» отличается здесь глубиной философского осмысления новой мультикультурной реальности.

Повествователь – Адам Крепски, представитель династии часовщиков из польского города Люблина. Дальние его предки были часовщиками в Нюрнберге и Праге. Три поколения тому назад семья эмигрировала в Англию. Ещё в Люблине в 1809 году прапрадед повествователя Станислав создал карманные часы, которые уподобляются эликсиру алхимиков – они делают своего обладателя бессмертным. Жизнь его может быть прервана только насильственно. Мужчины в этой семье жили очень долго и находили свою смерть под колёсами омнибуса, от удара молнии или на войне.

Их жёны не были посвящены в мужские таинства часовых дел, были покорными, пугливыми и молчаливыми созданиями: "The wives... followed very much the oriental pattern where women are little more than the property of their husbands" [5, с. 91] («Жёны... соответствовали восточному образцу, где женщины – не многим более, чем собственность своих мужей»). Дед главного героя так объяснял своё пренебрежительное отношение к женщинам: "Women... have no sense of time, they do not appreciate the urgency of things" [5, с. 91] («У женщин нет чувства времени, они не могут оценить срочность дел»).

Срочность, настоятельная необходимость («urgency») врывается в размеренную жизнь Адама, и связана она с рожаящей женщиной, его соседкой по дому, индуской или пакистанкой, чьи крики заставили его прийти ей на помощь: "...the cries... of pain, of terror, of... unmistakable urgency" [5, с. 96] («крики... боли, страха... и несомненной срочности»).

Действие происходит в эмигрантском квартале Лондона, в доме, который раньше полностью принадлежал семье часовщиков. Теперь именно в этом доме, который собираются вскоре снести, Адам Крепски снимает квартиру. Его соседи – эмигранты (возможно, нелегальные) из Азии.

Состав эмигрантов резко отличается от того, который был двести лет назад. Раньше квартал населяли «Jewish tailors, Dutch goldsmiths, Russian furri-

ers» [5, с. 107] («еврейские портные, датские ювелиры, русские меховщики»). Теперь их потомки считают себя англичанами, противопоставляя себя новой волне эмигрантов из стран третьего мира.

Когда Адам принимает роды у своей соседки, он, потомок эмигрантов, ощущает себя англичанином: "I was an Englishman and I bent over this woman – whose mother had perhaps worn a veil in some village by the Ganges – as she suffered the most intimate female distress" [5, с. 108] («Я был англичанином, и я склонился над этой женщиной – чья мать, наверное, носила паранджу в какой-нибудь деревне возле Ганга – когда она страдала от самого интимного женского недомогания»).

По странному стечению обстоятельств жизненные пути этих столь далёких друг от друга людей пересеклись. В глазах женщины Адам видит тот мир, из которого она пришла: "the huge hinterlands of her native Asia and the endless nut-brown faces of her ancestors" [5, с. 109] («огромные просторы её родной Азии и бесконечный ряд орехово-коричневых лиц её предков»). С его стороны в его воображении выстроились ряды польских предков. Важная мысль сформулирована в рассказе: "What is each one of us but the sum of all the time before him?" [5, с. 111] («Что есть каждый из нас, если не сумма всего времени до нас?»).

Финал рассказа утверждает приоритет новой, только что возникшей жизни над бессмертием. Чтобы спасти жизнь новорождённого, Адам отдаёт ему магические часы, отказываясь от своего бессмертия. К ребёнку возвращается жизнь, но часы останавливаются, исчерпав свою магию. Адама разбивает удар, он оказывается в больнице, дни его сочтены.

Мультикультурный контекст рассказа очень важен для его интерпретации. Процессы глобализации, интернациональной интеграции изменяют Лондон до неузнаваемости. В сюжете рассказа закодировано ощущение смерти старой Европы, возникновение нового мультикультурного пространства, за которым писатель признаёт будущее.

Список литературы

1. Зброжек Е. В. Викторианство в контексте культуры повседневности / Е. В. Зброжек // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 35. – С. 28–44.
2. Петросова Е. Г. Концепция «английскости» в современном постмодернистском романе : дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Петросова. – Москва : МГУ, 2005. – 146 с.
3. Степанчук Ю. Л. Мультикультурализм и права человека / Ю. Л. Степанчук // Философский словарь по правам человека. – Екатеринбург, 2006. – 712 с.
4. Толкачёв С. П. Феномен «пограничной прозы» / С. П. Толкачёв // Вестник ВЭГУ. – Уфа, 2007. – № 29–30. – С. 172–186.
5. Swift G. Learning to swim and other stories / G. Swift. – London : Pan books, 1985. – 146 p.

References

1. Zbrozhek E. V. Viktorianstvo v kontekste kul'tury povsednevnosti // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2005, № 35, pp. 28–44.
2. Petrosova E. G. Konceptcija «anglijskosti» v sovremennom postmodernist'skom romane. Moscow, MSU, 2005. 146 p.
3. Stepanchuk Ju. L. Mul'tikul'turalizm i prava cheloveka // Filosofskij slovar' po pravam cheloveka. Ekaterinburg, 2006. 712 p.
4. Tolkachjov S. P. Fenomen «pogranichnoj prozy» // Vestnik VJeGU, Ufa, 2007, № 29–30, pp. 172–186.
5. Swift G. Learning to swim and other stories. London, Pan books, 1985. 146 p.